

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ЛАТЫШСКОЙ ЭТНОГРАФІИ ЗА ПОСЛѢДНІЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Въ своемъ очеркѣ современнаго состоянія филологіи и этнографіи въ Финляндіи я указывалъ на быстрый ростъ науки къ ученомъ центрѣ этой страны, на живые умственные интересы, объединяющіе ея дѣятелей. Теперь мнѣ хотѣлось бы прослѣдить развитіе этнографіи у латышей, сосредоточенное главнымъ образомъ въ двухъ научныхъ центрахъ ихъ, именно въ литературныхъ комиссіяхъ при Рижскомъ и Митавскомъ латышскихъ обществахъ. Хотя здѣсь наблюдается менѣе интенсивная этнографическая дѣятельность, чѣмъ въ Финляндіи, однако сдѣланное все же настолько важно по своимъ размѢрамъ и должно было бы имѣть такое значеніе и для нашей науки, что, кажется, уже пришла пора ввести результаты этой плодотворной дѣятельности въ общеевропейскій научный обиходъ. Къ сожалѣнію, знакомство съ латышскимъ языкомъ распространено среди ученыхъ весьма мало, и до сихъ поръ еще между ними и латышской наукой должны быть посредники, которые, владѣя далеко не труднымъ латышскимъ языкомъ, знакомили бы съ ея результатами и матеріалами европейскихъ ученыхъ. Поэтому въ своемъ скромномъ очеркѣ я разсмотрю этнографическую дѣятельность нѣкоторыхъ латышскихъ органовъ. Для ея полнаго разсмотрѣнія, для изученія всей массы этнографическаго матеріала, раскиданнаго въ разнаго рода періодическихъ изданіяхъ, календаряхъ и т. п., слѣдовало бы писать въ одномъ изъ центровъ, куда доставляется цензурнымъ порядкомъ все выходящее въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, т. е. въ бібліотекахъ Юрьевскаго университета, Императорской публичной или Императорской академіи наукъ. Мнѣ же приходится заранѣе извиниться передъ чи-

тателями въ невольной неполнотѣ моего очерка и ограничиться обзоромъ того матеріала, который я могъ имѣть подѣ руками. Кое-что очень важное я долженъ исключить по этой причинѣ изъ своего обзора: такъ, я не имѣлъ „Этнографическаго приложенія“ (Etnografiskas Pēlikums) къ газетѣ „Dēnas Lapa“, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (кажется, за годы 1890—1895 гг.) помѣщено множество интереснѣйшаго этнографическаго матеріала. Если бы кто нибудь дополнилъ мой очеркъ обзоромъ матеріала, которымъ я не могъ пользоваться, онъ оказалъ бы извѣстную услугу русской наукѣ.

Наиболѣе крупнымъ явленіемъ въ этнографической производительности латышей за эти десять лѣтъ надо, кажется, считать огромное изданіе латышскихъ народныхъ пѣсень, предпринятое на средства Г. А. Виссендорфа извѣстнымъ знатокомъ и собирателемъ латышскаго фольклора г. Барономъ. Это изданіе, о которомъ я поговорю подробнѣе, тѣмъ болѣе заслуживаетъ сочувствія, что оно ведется на частныя средства отдѣльнаго лица, а не на средства какого нибудь ученаго общества или учрежденія, какъ это бываетъ обыкновенно. Изданіе г. Виссендорфа настоящій памятникъ просвѣщенной любви къ родинѣ, которымъ онъ заслуживаетъ большой признательности не только со стороны латышей, но и со стороны всѣхъ ученыхъ, получающихъ, благодаря ему, возможность ознакомиться съ пѣсенной поэзіей одного изъ балтійскихъ племенъ во всемъ ея объемѣ.

Латышская поэзія до сихъ поръ какъ бы не существуетъ для науки, несмотря на многочисленныя изданія латышскихъ народныхъ пѣсень, появившіяся до сихъ поръ. Я не могу припомнить ни одного цѣльнаго и сколько нибудь значительнаго изслѣдованія о поэтическихъ образахъ, ритмѣ, техническихъ особенностяхъ, даже содержаніи народной поэзіи латышей. Отдѣльныя подробности, разбросанныя въ сочиненіяхъ Потемни, Мангардта, Биленштейна, конечно, нисколько не уменьшаютъ этого недостатка, а между тѣмъ латышская пѣсня достойна во многихъ отношеніяхъ особеннаго вниманія этнографовъ и особенно теперь, когда старая лирическая поэзія русскаго народа вырождается въ частушку, коротенькое стихотвореніе въ 4 строчки, явленіе аналогичное народной пѣснѣ латышей, финновъ, отчасти нѣмецкихъ племенъ. Когда трудъ г. Виссендорфа и г. Барона появится въ полномъ объемѣ, я надѣюсь посвятить латышской пѣсенной поэзіи отдѣльное изслѣдованіе, пока же ограничусь указаніями на значеніе этого изданія.

Нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ не было хорошихъ изданій

латышскихъ пѣсенъ. Достаточно назвать изданія г. Спрогиса, Бривземніакса-Трейланда, Биленштейна, Арона Матиса, Цимзе, сборникъ длинныхъ пѣсенъ въ одномъ изъ выпусковъ *Rakstu Krājums* ¹⁾, чтобы показать, что желающіе уже давно могли основательно познакомиться съ пѣсеннымъ творчествомъ латышей, но все сдѣланное до сихъ поръ остается въ тѣни передъ задуманнымъ и отчасти уже выполненнымъ предпріятіемъ гг. Виссендорфа и Барона, которые намѣрены объединить всѣ напечатанные и всѣ, какіе удастся собрать, рукописные матеріалы по данному предмету. Все изданіе рассчитано на 3 тома: до сихъ поръ вышелъ первый томъ въ 10 выпускахъ, заключающій въ себѣ, кромѣ введенія о латышской народной поэзіи и списка источниковъ (стр. *LIV*), 969 страницъ очень убористой печати, при чемъ пѣсни напечатаны въ 2 столбца. По подсчету г. Барона, при началѣ изданія въ рукахъ его находилось 153.431 пѣсня изъ Лифляндіи, Курляндіи и Витебской губерніи (изъ 415 рукописныхъ и печатныхъ источниковъ). По мѣрѣ печатанія матеріалъ все росъ: изъ еще 435 новыхъ источниковъ были почерпнуты 50.104 пѣсни, которыя отчасти нашли себѣ мѣсто въ приложеніи къ 1-му тому. Такимъ образомъ свыше 200 тысячъ латышскихъ народныхъ пѣсенъ увидятъ свѣтъ въ этомъ изданіи, и мы получимъ очень полное представленіе о поэзіи латышскаго народа. Изъ этихъ 200 тысячъ, конечно, сравнительно небольшая часть основныхъ пѣсенъ, остальное варианты: такъ, въ 1-мъ томѣ 5.259 номеровъ пѣсенъ, при чемъ и онѣ переходятъ отъ одного мотива къ другому настолько постепенно, что два соприкасающіеся номера представляются весьма часто почти вариантами. Что касается размѣщенія послѣднихъ, то надо отдать справедливость находчивости издателей: чтобы не повторять нѣсколько

¹⁾ Памятники латышскаго народнаго творчества. Собраны и изданы Иваномъ Спрогисомъ. Вильна. 1868 (пѣсни напечатаны русскими буквами и снабжены русскимъ переводомъ). *Θ. Я. Трейландъ*. Народныя пѣсни латышей въ сборникѣ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ, издаваемомъ В. А. Дашковымъ. Книга II. Москва. 1873 (и здѣсь пѣсни напечатаны русскими буквами и снабжены русскимъ переводомъ). *Latvėšu tautas dzėsmas. Sameklėtas un pėcėdesmitam bėdrėbas gadam par pėminu druka dėtas no Latvėšu draugu bėdrėbas. I—II. Leipsigā. 1874—1875. Dzėsmu rota jauneklėm un vėrėm argādata no I. Zimse 8 выпусковъ. Rėgā. 1875 и дал. (всѣ пѣсни снабжены поемами) Mėsu Tautas dzėsmas. Pa tėvijās kalnėm un lejām lasītas un vaināgā vītas Aronu Matīsa. Rėgā. 1888. Крайне пеструю и неустановленную латышскую орфографію и замінию здѣсь чешской транскрипціей, при чемъ мягкость согласныхъ означаютъ надъ согласной.*

разъ одной пѣсни съ незначительными варіаціями, они помѣщаютъ варианты подѣ пѣсней, при чемъ раздѣляютъ ихъ на двѣ группы: варианты, въ которыхъ варьируются отдѣльные слова, и варианты съ самостоятельными оборотами и даже мыслями. Первые они цѣликомъ не приводятъ, ограничиваясь указаніями на тѣ слова, которыми отличается вариантъ отъ основной пѣсни, вторые печатаются цѣликомъ, но петитомъ; варианты къ вариантамъ отмѣчаются также первымъ способомъ. Весьма часто такимъ словомъ бываетъ всего лишь діалектическая разновидность, вслѣдствіе чего сборникъ г. Барона—Виссендорфа приобретаетъ весьма важное значеніе для изученія латышской діалектологии. Для того, чтобы иллюстрировать методы издателей въ этомъ случаѣ, беру одну пѣсню № 250:

Irbe svilpa p̄redainē (eglēnā),

Es atsvilpu ecedams;

Gaidu irbes istekam;

Istek cēma zeltenite,

т. е. куропатка свиснула въ соснякѣ, я отвѣтилъ ей свистомъ бороня; жду, чтобы выбѣжала куропатка, выбѣгаетъ деревенская блукурая красавица. Эта пѣсня извѣстна издателямъ отъ двухъ собирателей, записавшихъ ее въ одномъ и томъ же приходѣ Курляндской губерніи; все различіе въ ихъ записи сводилось къ тому, гдѣ свиститъ куропатка: одинъ собиратель записалъ *p̄redainē* (въ соснякѣ), другой *eglēnā* (въ ельникѣ). Подѣ этой пѣсенкой находимъ варианты въ такомъ порядкѣ: 1. *svilpa*. 2. *atsvelpu*. 281 d.—1. *švelpa*; 2. *atšvelpu*; 4. *dzeltanite*, 95 d. Это значитъ, что въ пѣсенѣ, записанной въ одномъ изъ приходоѡ Митавскаго уѣзда (281 d.—номеръ собирателя) въ 1-ой строчкѣ вмѣсто *svilpa* стоитъ *svelpa*, а во 2-ой вмѣсто *atsvilpu* форма *atsvelpu*; далѣе, въ пѣсенѣ изъ Венденскаго уѣзда, совершенно сходной съ вышеприведенной, варианты ограничиваются діалектической передачей литературныхъ *svelpu* и *atsvelpu* формами *švelpa* (въ 1-й строчкѣ), *atšvelpu* (во 2-й), а въ 4-ой мы находимъ діалектическую форму *dzeltanite* вмѣсто *zeltenite*. Все это съ большой экономіей мѣста указано вышеприведеннымъ способомъ. Далѣе слѣдуютъ 4 варианта, нѣсколько отличающіеся отъ цитированной мною пѣсни, при чемъ лишь въ послѣднемъ различіе въ содержаніи доходитъ до замѣны куропатки синицей. Надо отмѣтить, что 1-й вариантъ записанъ въ двухъ мѣстахъ (въ одномъ написано *dzeltanite*, въ другомъ *zellanite*); что ко 2-му, записанному также въ двухъ мѣстностяхъ (съ очень небольшою варіаціей въ передачѣ одного слова),

прибавленъ вариантъ въ одной строчкѣ, такъ же какъ и къ 3-му варианту. Такимъ образомъ, на пространствѣ менѣе, чѣмъ полустолбца, помещено 12 пѣсенъ со всѣми особенностями ихъ діалектическаго произношенія.

Благодаря такому умѣлому обращенію съ вариантами, мы получаемъ на немногихъ страницахъ очень значительное число пѣсенъ, а группировка ихъ по вышеуказанному способу облегчаетъ ознакомленіе съ содержаніемъ ихъ, не затрудняя читателя перечитываніемъ безконечнаго числа вариантовъ. Кому приходилось имѣть дѣло, хотя бы съ изданіями литовскихъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ братьями Юшкевичами, тотъ легко можетъ себѣ представить, сколько времени и труда мы сберегаемъ, благодаря искусному размѣщенію вариантовъ въ сборникѣ г. Виссендорфа-Барона.

Таковы положительные стороны этого изданія. Но рѣшительнымъ образомъ я ставлю ему въ вину сохраненіе неуклюжей и неточной готической орфографіи: *s*, которое означаетъ то *z*, то *s* (въ сочетаніи *st* или перечеркнутое); *ee*, которое очень далеко отъ дифтонга *ea*; *h* для указанія на долготу; перечеркнутыя *n*, *l* для означенія мягкости *n* и *l* и т. п.: все это нуждается въ замѣнѣ болѣе простымъ алфавитомъ. Къ чему передавать ч черезъ *tsch*, когда для этого достаточно написать общепринятое въ научной транскрипціи *č*; то же слѣдуетъ сказать про *ž*, *š*, *dz*, про обычный знакъ долготы, про знакъ надъ согласнымъ для означенія мягкости и т. д. Такія крупныя, составляющія эпоху изданія, какъ разбираемое мною, должны прокладывать новые пути, а не слѣдовать по старой, проторенной, но скверной дорогѣ; единственное, что можно сказать въ оправданіе консерватизма издателей, это то, что новый алфавитъ (а у латышей почти всякій писатель пишетъ по своему) могъ бы препятствовать распространенію ихъ прекраснаго сборника въ народныхъ массахъ, но я думаю, что это препятствіе существовало бы не долго, и народныя массы привыкли бы къ новой азбукѣ, что и было бы въ высшей степени желательно.

Перехожу къ латышской народной пѣснѣ, поскольку она представлена изданіемъ г. Виссендорфа и Барона.

Какъ извѣстно, обычная латышская пѣсня состоитъ изъ 4 строкъ, изъ которыхъ первыя двѣ заключаютъ поэтическую картину изъ жизни природы, а вторыя соотвѣтствующій ей образъ изъ жизни сердца. Этотъ обычный приѣмъ параллелизаціи жизни природы и сердца, существующій съ древнѣйшихъ временъ поэзіи у всѣхъ народовъ, приводитъ въ латышскомъ пѣсенномъ творчествѣ къ созданію постоян-

ныхъ символовъ; извѣстная картина природы соотвѣтствуетъ опредѣленному настроенію. Такимъ образомъ, одинокая березка на болотѣ напоминаетъ сиротку, тогда какъ береза въ саду, гдѣ ее берегутъ и любятъ, соотвѣтствуетъ въ пѣснѣ любимой дочери (ср. № 5152 и мн. др.), но береза можетъ быть и инымъ символомъ, какъ это видно, напримѣръ, въ пѣснѣ № 3449:

„Бѣлыя березы, черныя ольшины наклоняются другъ къ другу: мои бѣлые (т. е. милые) братцы кланяются другъ другу“.

Для изученія психологіи народнаго творчества чрезвычайно важно установить тѣ ассоціаціи, которыми руководилась поэзія при созданіи символовъ, и названный сборникъ своимъ обиліемъ вариантовъ и ихъ искуснымъ размѣщеніемъ даетъ въ руки изслѣдователя огромный и надежный матеріалъ. Особенно интересно прослѣдить, какъ одинъ и тотъ же поэтический образъ бываетъ иногда развитъ въ различныхъ направленіяхъ. Такъ, мы имѣемъ вступленіе:

Ozolam bēza miza,
Lēai lapas darinaja

(т. е. у дуба толстая кора, потихоньку онъ дѣлаетъ листья), къ которому въ № 4755 прибавлены слѣдующія двѣ строки: „Сиротка моя сестрица, потихоньку она вступаетъ въ разговоръ“, въ № 4756: „Я выросла безъ матушки, потихоньку я набралась разума“, въ № 4918: „Сиротка росла печально, а скопила прекрасное приданное“ и въ № 4919: „Я сиротка безъ матушки, потихоньку я наработала приданное“. За исходный пунктъ во всѣхъ этихъ четверехъ стихотвореніяхъ служитъ толстая кора дуба, которая будто бы мѣшаетъ ему быстро покрываться листьями; слѣдовательно, дубъ оказывается въ исключительно грустномъ положеніи по отношенію къ другимъ деревьямъ, въ такомъ же грустномъ, какъ сирота по отношенію къ другимъ дѣвушкамъ. Значитъ, параллель готова, хотя дубъ можетъ быть и, дѣйствительно, зачастую бываетъ символомъ крѣпости, мужества, молодечества; но здѣсь ассоціація по сходству приравниваетъ къ грустному дубу, еще безлиственному въ то время, когда другія деревья гордятся своимъ весеннимъ уборомъ, дѣвушку — сиротку, одинокую среди богатыхъ подругъ. Ко второму стиху: „медленно дѣлаетъ (или дѣлалъ) листья“ наиболѣе подходящая параллель — стихи о приданномъ (т. е. нарядахъ, которые шьетъ себѣ дѣвушка на выданьи), тогда какъ нерѣшимость въ разговорѣ и разумъ, повидимому, менѣе соотвѣтствуютъ символу, чѣмъ наряды — листья. Вѣроятно

всего, что эти строчки присочинены къ „природному вступленію“ лишь въ послѣдствіи, когда въ поэтическомъ оборотѣ уже давно находились № 4919 (едва ли не первоначальная пѣсня) и, можетъ быть, № 4918. Такъ, изучая символику пѣсни, мы могли бы составить и относительную хронологію ея, и понять ассоціативные процессы, руководившіе поэтическимъ творчествомъ. И латышская поэзія даетъ намъ въ этомъ отношеніи особенно богатый и интересный матеріалъ.

Другимъ критеріемъ для сужденія объ относительной древности латышскихъ пѣсенъ служить ихъ размѣръ, который по существу своему не допускаетъ болѣе четырехъ строкъ, при чемъ двѣ первыя рисуютъ картину природы, а двѣ послѣднія соотвѣтствующее ей настроеніе. Неравномѣрное развитіе первой или второй изъ этихъ двухъ частей является исключеніемъ и, повидимому, указываетъ на позднѣйшія вставки, такъ что, имѣя двѣ пѣсни одного содержанія, но разнаго размѣра, мы можемъ, какъ я думаю, признать болѣе древней ту пѣсню, которая состоитъ изъ правильно развитой схемы четверостишія. Однако, вообще, въ вопросѣ о древности латышскихъ пѣсенъ необходимо соблюдать большую осторожность: проф. Зубатый въ своей статьѣ о такъ называемыхъ вставныхъ гласныхъ въ этихъ пѣсняхъ, т. е. такихъ гласныхъ, которыя присоединяются къ различнымъ словамъ для образованія стиха (иначе не выйдетъ размѣръ), высказался въ пользу глубокой древности латышскихъ народныхъ пѣсенъ. Однако, по существу своему четверостишія являются слишкомъ мелкой и подвижной единицей, чтобы они могли передаваться въ неизмѣнномъ видѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе; могутъ восходить къ относительной старинѣ отдѣльные символы, изображенія извѣстныхъ настроеній, получившія характеръ формулъ, но ихъ сочетаніе можетъ быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ новымъ, и никогда не исключается возможность присочиненія новаго перваго или второго элемента четверостишія. Такимъ образомъ, уже съ этой принципиальной точки зрѣнія, которая основана на наблюденіи живого роста народной поэзіи, латышскія пѣсни не могутъ быть а ріогі названы древними. Другія основанія проф. Зубатаго, изложенныя имъ въ уже упомянутой интересной статьѣ, представляются мнѣ не менѣе спорными: такъ, онъ возстановляетъ древнія грамматическія формы съ помощью предположенія, что вставной гласный является въ извѣстныхъ случаяхъ реминисценціей стараго окончанія, вымершаго тамъ, гдѣ его существованіе не поддерживалось ритмическими требованіями. Но противъ этого можно возразить, что къ той же самой усѣченной формѣ присоединяется въ

одномъ случаѣ *i* (чаще всего), въ другихъ *e*, *a* или *u*; что гласный *i* иногда ставится даже прямо въ началѣ строки или оказывается въ такихъ положеніяхъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о старыхъ окончаніяхъ. Такимъ образомъ, мы довольно произвольно будемъ реконструировать старый сушинъ на—*tu*, окончаніе 3 лица ед. числа—*ta* и т. п., предполагая, что въ другихъ случаяхъ вставной гласный не имѣетъ морфологическаго значенія. Самъ проф. Зубатый даетъ сильное оружіе противъ себя, указывая, что ни въ одномъ единственномъ числѣ не сохранилось основное окончаніе имен. пад. ед. числа основъ на—*o*—*as*, обычное еще въ литовскомъ языкѣ. Латышская пѣсня замѣняетъ его въ случаяхъ ритмической необходимости окончаніемъ —*s + i = si* или —*i + s = is*; ни то, ни другое не имѣетъ оправданія съ точки зрѣнія исторической грамматики латышскаго языка. Далѣе, если мы обратимся ко всему множеству пѣсенныхъ вариантовъ, приведенному въ изданіи г. Виссендорфа-Барона, то мы увидимъ, что пѣсни витебскихъ латышей стоятъ какъ бы въ сторонѣ отъ пѣсенъ другихъ латышей, живущихъ сплошной массой въ Лифляндіи и Курляндіи. Мы можемъ здѣсь замѣтить тѣ же символы, много сходства въ настроеніяхъ, но самая группировка тѣхъ и другихъ, сочетаніе ихъ иное. Весьма часто рядъ пѣсенъ (особенно, длинныхъ—см., напр., № 5032) распространенъ только въ Витебской губерніи, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ пѣсни витебскихъ латышей даютъ варианты къ пѣснямъ латышей курляндскихъ и лифляндскихъ. Но, повторяю, это бываетъ сравнительно рѣдко, такъ что и съ этой точки зрѣнія мы не имѣемъ права говорить о древности латышской пѣсни. Не говоритъ ли за нее содержаніе пѣсеннаго творчества латышей? ¹⁾

Въ томъ томѣ, который лежитъ передъ нами, въ извѣстной группѣ пѣсенъ (о сиротѣ, которой помогаетъ судьба, сжалившаяся надъ той, кому отказываютъ въ состраданіи люди; о родахъ, когда жизнь женщины виситъ на волоскѣ и т. под.) весьма часто встрѣчается мифологическое названіе Лаймы; кое-какія скудныя упоминанія о трехъ лаймахъ, которыя плещутся въ рѣкѣ (№№ 4993₁, 5036), о совѣщаніи лаймъ (№ 4376), о креслѣ, въ которомъ сидитъ, или на которое сажаетъ лайма (№№ 3644, 1216 и друг.), о жертвоприношеніи лаймѣ

¹⁾ Нѣсколько интересныхъ замѣчаній о кажущейся древности латышской пѣсни приводитъ А. Brückner въ своей книгѣ *Starożytna Litwa. Ludy i bogiszkiene historyczne i mitologiczne*. Warszawa. 1904, стр. 120—121.

курицы ¹⁾ (№№ 1139, 1140, 1141) или овцы (№ 1141₁) и т. под. позволяют думать, что нѣкогда съ именемъ лаймы (т. е. судьбы, потомъ—специально—счастья) связывались извѣстныя мифическія представленія, въ родѣ тѣхъ, что еще сохранились у литовцевъ, приурочившіе къ лаумамъ. Но такія слова, какъ глаголъ *laimet* (пользоваться счастьемъ, имѣть удачу № 1603₁), *laimē* въ нарицательномъ смыслѣ (№ 1993), *laimes dēna* (счастливый день № 4126), указываютъ на абстрактный характеръ этихъ представленій. Насколько утрачена живость изображенія лаймы, видно изъ довольно распространенной пѣсни о *Laimē* и *Nelaimē* (несчастіи), которая гласитъ слѣдующимъ образомъ (№ 1220): „счастіе сидитъ на холмѣ, несчастіе въ долинѣ. Возьми, счастье, камень, швырни его въ спину несчастію“. Такой же образъ восклицанія: „Ахъ, лайма, мать лаймы!“ (№ 4961).

Благодаря такому отвлеченному характеру лаймы, она отлично уживается съ христіанскими воззрѣніями. Мы находимъ, напримѣръ, пѣсню (№ 5024), вариантъ которой извѣстенъ и витебскимъ латышамъ: „Горько плачетъ моя лайма, стоя около церкви; она увидѣла, какъ меня вѣнчаютъ съ вдовцомъ“. Не слѣдуетъ думать, что лайма стоитъ около церкви потому, что въ церковь ей нѣтъ доступа. Какъ показываетъ предыдущая пѣсня („лайма накрывала мнѣ на столъ, я бѣдная сиротка; около меня, когда я сѣла за столъ, стоялъ богъ“), лайма и богъ вовсе не представляются врагами, какъ въ той же латышской христіанской мифологіи богъ и дьяволъ. *Dēvs un Laimē* (богъ и лайма) — довольно обычное соединеніе во многихъ латышскихъ пѣсняхъ (№№ 5059₁, 5059₂. Ср. №№ 5060, 5109). Курьезное сплетеніе языческихъ (конечно, употребляю это слово въ условномъ смыслѣ) воззрѣній съ христіанскими мы видимъ въ пѣсняхъ, гдѣ сиротѣ влагаются въ уста слова (№ 5055 или № 5045): „Богъ (мой) отецъ, лайма мать, божьи сыновья—братцы“. На основаніи сказаннаго пѣсни, въ которыхъ встрѣчается имя лаймы, никакъ не могутъ, лишь благодаря ему, считаться древними. Лайма здѣсь не болѣе, какъ по-

¹⁾ О жертвоприношеніи курицы, ягненка и др. животныхъ у литовцевъ и латышей см. А. *Micrnyński*, *Zródła do Mytologii litewskiej*, II, 139. *Brückner*, *Litwa*. 109. Еще въ половинѣ XVII в. въ жертву Жеменику литовцы ежегодно на большомъ общественномъ пирѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ приносили теленка, свинью, кабана, пѣтуха и курицу. *Preuss*, *Litauen vor 300 Jahren*. Tilsit. 1898, стр. 12; это очень напоминаетъ соответствующія мордовскія моления.

Nāc pa logu istabā,	Nāc ar sātu istabā,	Nu māmin'a galdu grīda,
Nu māmina' galdu klāja	Nu māmin'a galdu klāja	Nu māmin'a galdu grīda,
Pirmajai meitin'ai.	Pirmajam delin'am,	Pirmajam delin'am,
Благословеніе, благорас- твореніе,	Мать удача, мать изобиліе,	Благослови, Боже, дай обиліе, Боже,
Проникни черезъ окно въ избу,	Проникни съ изо- биліемъ въ избу,	Вотъ матушка ус- траиваетъ столъ
Вотъ матушка накрываетъ столъ	Вотъ матушка на- крываетъ столъ	Вотъ матушка ус- траиваетъ столъ
Для первой доченьки.	Для перваго сы- ночка.	Для перваго сы- ночка.

Какъ показываетъ этотъ примѣръ, мать-изобиліе (gausa māte) равносильна изобилію (gausiba); это совершенно отвлеченное понятіе, олицетворенное лишь въ видахъ поэтическаго творчества, но нисколько не препятствующее замѣнить обращеніе къ нему обращеніемъ къ Богу (gausin Dēvs). Только олицетвореніемъ можетъ быть „мать вѣтра“ (vēja māte) въ пѣснѣ № 1350, гдѣ молодая мать, собираясь нести въ церковь крестить ребенка, беспокоится по поводу непогоды (ср. № 1351 и вар.). Этимъ настроеніемъ ея объясняется слѣдующее воззваніе: „Ахъ, прошу тебя, мать вѣтра, повели своимъ служанкамъ: мнѣ нужно нести въ церковь маленькую, маленькую душку“. Что иное какъ не поэтическій образъ, эта vēja māte въ пѣснѣ № 2092, гдѣ поэтъ спрашиваетъ синицу, кто качаетъ ея птенцовъ, кто ихъ нянчить. „Vēja māte šūpo, vēja māte auklē“ (мать вѣтра качаетъ, мать вѣтра нянчить), отвѣчаетъ птица. Въ пѣснѣ № 2801 „мать вѣтра хвалилась сломать верхушку у дуба, но дубъ, хитрый мужъ, наклонился къ самой землѣ“. Въ № 2866 мы находимъ такое обращеніе къ матери вѣтра: „иди спать, мать вѣтра, на вершину сухой елки! Неужели у тебя не заболѣла голова трубить день и ночь“? Только въ этой пѣснѣ какъ будто сказывается какое-то отраженіе старыхъ мнѣическихъ представленій о дикой охотѣ вѣтра, но и это, конечно, теперь не болѣе, какъ поэтическій образъ.

Я не стану вдаваться въ анализъ другихъ упоминаній о „матеряхъ“ стихій: вообще говоря, въ I-омъ томѣ разсматриваемаго сборника мы встрѣчаемъ мать моря (iūras māte № 3371₃), мать снѣга (№ 2863), мать солнца (№ 2333₅ saules māte deva — „мать солнца выдавала дочь“ — нѣчто очень сомнительное), мать лѣса (№ 2095₂ 2673, 2675). Такъ какъ въ каждую минуту и современный поэтъ

можетъ прибѣгнуть къ олицетворенію природы, то за древность латышскихъ пѣсень упоминаніе объ этихъ „миѳическихъ“ существахъ не говорить ничего.

Большее значеніе я придаю тѣмъ названіямъ денегъ, которыя мы встрѣчаемъ въ пѣсняхъ. Здѣсь иногда попадаются названія старыхъ нѣмецкихъ монетъ, уже давно (когда именно, я, къ сожалѣнію, не знаю) вышедшихъ изъ употребленія. Именно, въ пѣсняхъ упоминаются *verdin's* (№ 1779 Fehrding), *eiduk's* (№ 5226₂ Fehrding), *dal'deri* (№ 3437), *pimberis* (1597₄) *марки*, (№ 2219), но рядомъ съ ними весьма обычны и русскія деньги: *полушка* (*paluška* № 1778₁), *копейка* (*кареика* № 1781), *рубль* (*rublis* № 1781; *rubulitis*, *pusrubulis* № 1597), даже *бумажныя деньги* (*papirin's* № 1774₂). Пѣсни съ упоминаніемъ о *берковцѣ* и *пудѣ* (№ 2424) могутъ быть какъ старыми, такъ и новыми, хотя самыя слова *berkavs* или *birkava* и *pods* заимствованы изъ рус. *берковецъ* и *пудъ* въ старое время. Дворяне, вообще господа, носятъ въ пѣсняхъ постоянно названіе *боляръ* (*bajars*), но за возрастъ пѣсень это не говоритъ, такъ какъ заимствованное изъ старорус. *боляре* латышское слово до сихъ поръ (по Ульману) живетъ въ устахъ народа. Не мѣшаетъ отмѣтить, что въ одной пѣснѣ (№ 1277) упоминается объ императорѣ („я выросъ для императора знаменосцемъ“—*es uzaugu k'eizeram karodzin'a nesejins*).

Въ содержаніи изданныхъ въ 1-омъ томѣ пѣсень архаистическихъ чертъ немного. Вообще говоря, онѣ рисуютъ патриархальный бытъ земледѣльца, всецѣло въ предѣлахъ его трудовыхъ радостей и горестей, семейныхъ отношеній, обыденныхъ интересовъ. Здѣсь нѣтъ недостатка въ прекрасныхъ бытовыхъ картинахъ и яркихъ изображеніяхъ чувствъ и настроеній. „Дай мнѣ, Боже, жить такъ, какъ жили старые люди: ѣсть хлѣбъ изъ старой ржи, а для новой устраивать подкладъ“ (№ 3089); „дай мнѣ, Боже, умереть, какъ умирали отецъ и матушка: отецъ умеръ молотя на ригѣ, а матушка мѣшая тѣсто“ (№ 3090); „кладу голову на межу, отстаиваю землю своихъ отцовъ; пусть лучше снимутъ мнѣ голову, чѣмъ отберутъ отцовскую землю“ (№ 3794). Таковъ общій тонъ этой поэзіи, для которой родная земля—высшая привязанность, ея обработка—задача всей жизни. Надо крѣпко держаться другъ за друга, чтобы вести хорошее хозяйство, чтобы въ годину испытанія не свалиться отъ неурожая или другого несчастія, и пѣсня постоянно увѣщаетъ братьевъ не дѣлиться, а жить вмѣстѣ, рисуя идеальное житье дружной семьи: „вотъ какъ нужно жить, братцы; пять, шесть человекъ на полѣ, а одинъ за всѣхъ отвѣчаетъ барину“

(№ 3459 и вар.). Большая семья гордость для всякаго изъ ея членовъ (см. напр., № 3396), а раздѣль наводитъ на грустное сравненіе съ итенцами, которые дружно живутъ въ одномъ гнѣздѣ, и т. п. „Нѣтъ стыда для дочери разуть ноги матери: сколько почей просиживаетъ мать, не снимая обуви, у колыбельки дочери“, учить пѣсня (№ 1927), которая не знаетъ большаго горя, чѣмъ судьба сироты. Огромное число пѣсенъ посвящено изображенію ея одиночества, безпризорности, лишеній, но еще хуже, когда она попадаетъ въ руки мачехи, на жестокость которой пѣсня не щадитъ красокъ. Иногда она доходитъ до настоящаго пафоса: „бейте меня, ругайте меня, бросьте меня въ воду; нѣтъ у меня ни отца, ни матери, некому плакать по мнѣ“ (№ 4254); иногда изливаетъ чувства въ трогательной жалобѣ: „куда ты летишь, голубка, на своихъ золотыхъ крылышкахъ? Лечу посмотрѣть на братцевъ, всѣ ли они дома? Всѣ были дома, не было только младшаго: младшій побѣжалъ (на кладбище) поплакать по отцу и матери“ (№ 4089) или „милѣ мнѣ сосна, елка, чѣмъ чужая матушка; подь сосной, подь елью, какъ подь платкомъ матери“ (№ 4093). Стоя всегда на высотѣ нравственнаго чувства (отличіе отъ нашей частушки, часто безобразной по своему этическому содержанию), латышская пѣсня сурово относится къ главному пороку крестьянина, пьянству. „Если будемъ такъ пить, братцы, не будетъ намъ чести; такъ мы живо отдадимъ землю своихъ отцовъ другому человѣку“ (№ 3820), уговариваетъ она мужика или рисуетъ такую яркую бытовую картину: „жена плачетъ, дѣти воютъ, щи безъ засыпки, а муженекъ весело горланитъ въ корчмѣ за столомъ“ (№ 2096).

Здѣсь не мѣсто долго останавливаться на содержаніи латышской народной пѣсни. Я хотѣлъ только показать, что по самому своему содержанію, передающему особенности быта, не разложившагося и понынѣ, рисуящему черты набожной, честной и трудовой жизни, латышская пѣсня не даетъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить о ея возрастѣ. Тѣмъ не менѣе, кое-какіе архаизмы встрѣчаются здѣсь: такъ мы находимъ живую память о крѣпостномъ правѣ (№ 1901—1903), сопряженную съ великой ненавистью къ нѣмецкимъ баронамъ, не перестающимъ и понынѣ, по силѣ возможности, давить латышкаго крестьянина; кое-гдѣ помнится еще старый костюмъ (напр., вся грудь до пояса въ серебрѣ — *līdz jostai sudrabinis, pillas krūtes sudrabin'a*, № 3067, 3075; височныя кольца — *man sudraba en'g'itēm*, № 4596), хотя пресловутое шерстяное покрывало *villainite*, которое встрѣчается такъ часто въ пѣняхъ (оно изображено въ изданіи пѣ-

сень г. Трейланда), едва ли не сохранило значеніе лишь символа. Въ двухъ пѣсняхъ (№ 4768, 4770), кажется, говорится о ручной мельницѣ, о перетираниі зеренъ съ водой, которое является тяжелой обязанностью сироты въ домѣ мачехи.

Какія народности упоминаются въ латышской пѣснѣ? Русскіе очень рѣдко (см. № 1371) и безразлично, иногда эстонцы („черные эстонцы, бѣлые латыши“—*melni Jgauni, balti Latvēši*. № 2851), довольно часто литовцы (*Leiši*. № 3657, 3841, 3843—3844 и др.); изрѣдка татары (*tatari*, № 2140, 3807₁₂). Всего чаще и съ очень яркимъ чувствомъ ненависти говорится о пѣмцахъ, которые являются въ глазахъ латышской пѣсни олицетвореніемъ всего дурного, синонимомъ изгнѣженнаго лѣниваго человѣка (см. напр. № 3117), какими казались, очевидно, подвластному населенію нѣмецкіе дворяне землевладельцы.

Большое значеніе для изученія латышскаго языка долженъ имѣть этотъ сборникъ. Я уже указывалъ на принятую въ немъ систему вариантовъ, позволяющую легко обозрѣвать діалектическія и лексикальныя особенности говоровъ. Насколько можно судить уже теперь, „Латышскія пѣсни“ г. Барова-Виссендорфа представляютъ непочатой уголь всевозможныхъ интереснѣйшихъ лингвистическихъ фактовъ: работы г. Зубатаго, Мюлленбаха, Эндзеліня, отчасти опирающіяся на нихъ, показываютъ, какъ обогатятся наши свѣдѣнія объ особенностяхъ латышскаго языка, когда лингвисты приступятъ къ изученію разсматриваемаго сборника. Здѣсь не мѣсто, конечно, останавливаться подробно на этой сторонѣ его, и я не дѣлаю этого, тѣмъ болѣе, что въ напечатанной недавно болѣе крупноі работѣ („Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ“. Варшава. 1903) я привожу нѣкоторое число примѣровъ архаистическихъ формъ словообразованія въ латышскомъ языкѣ, исходя прежде всего изъ этого драгоценнаго сборника. Я отмѣчу теперь лишь самымъ общимъ образомъ тѣ пріобрѣтенія, которыми онъ обогатилъ науку: прежде всего, словарная сторона. Хотя словарь епископа Ульмана, плодъ долготѣней работы многихъ лицъ, можетъ быть названъ относительно полнымъ инвентаремъ латышскаго языка, однако онъ все-таки нуждается въ значительныхъ дополненіяхъ (объ этомъ ниже). Въ пѣсняхъ изучаемаго сборника мы находимъ рядъ словъ, которыхъ нѣтъ въ этомъ словарѣ, или которыя извѣстны ему въ другой формѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ весьма интересны: такъ, пѣсня № 3858 знаетъ слово *bagaturi* (въ

значеніи *богатые, богачи*), котораго въ словарѣ нѣтъ ¹⁾; въ № 2547 находимъ слово *gasts* (гость); № 2665₃ *kankali* (куколь)? *kankal'u kũle-jin'a*; ср. № 2664, и ₅ *kankališu kũlataji*; интересное культурное слово, названіе *конопли*, встрѣчается въ пѣсняхъ этого сборника въ такихъ формахъ: *kanipes* № 1666, 2521₂, 3016; *kan'apite* № 2848, 2525₂, *kan'urite* и *kan'urējas* № 2426, 2848, кромѣ литературнаго *kan'ere*; славянскому *перстъ* ближе соотвѣтствуетъ *pirsts* № 4459, чѣмъ литературное *pirksts*.

Изъ области фонетики я ограничусь указаніемъ на нѣсколько интересныхъ случаевъ развитія *l*, *g* и *ŋ*: формы *ōtrs* (литов. *antras*) — *друной* и *ōtrnēce* (вторая работница) даютъ здѣсь, благодаря развитію *r* въ *g* и отсюда въ *ar*, формы *otars* (№ 312, *vēns otar laistijes* № 3981₁, *otaru* 4637₃) и *otarnēca* (№ 799, 3491); изъ *ugn'* (огонь, обычная форма *uguns*, но въ пѣсняхъ также *guntin'a*—огонекъ, даже *guni* Acc. sing. № 1745₇, 2137) развивается *ugen* (*caur ugen caurdodam*, № 4431); изъ *egl'*—*ель*—*egel* (*kà taps egel—galin'ē*, № 2357₄). О другихъ звуковыхъ переходахъ я здѣсь говорить не буду. Чрезвычайно интересную форму выраженія въ духѣ инкорпорирующихъ языковъ даютъ такіе обороты: *ēsamandomajās* (мнѣ вздумалось, № 1085₅) вмѣсто *man ē(sa)dōmajās*; *apsapatedomajēs* (подумай сама, № 4690); *apsapatidomajēs* (№ 4961); послѣдній примѣръ особенно важенъ потому, что въ вариантѣ мы находимъ правильную форму: *pati apsadomajēs*, которая показываетъ, что инкорпорирующій оборотъ вовсе не вызывался требованіями стиха.

Свои замѣчанія о языкѣ латышскихъ пѣсней сборника г. Барона-Виссендорфа я закончу указаніемъ на два лингвистическіе факта, которые, по моему мнѣнію, бросаютъ яркій свѣтъ на исторію старыхъ славяно-латышскихъ культурныхъ сношеній. Уже въ 1886 г. Беценбергеръ высказалъ предположеніе, что литовское *stubà* (зимній жилой домъ) заимствовано изъ славянскаго *u—смѣба* (см. Thomsen. *Beröinger*, 220); латышскія формы свидѣтельствуютъ за то же. Именно, по вариантамъ литературнаго латышскаго *istaba* (*ustaba* № 1704, 6371₅, *ustoba* 3833₁, *ustaba* 3319, 3273, 3243₂ и др.) мы можемъ возстановить первоначальную форму **istuba*, изъ которой развилась форма *istaba* (ср. *žēlaba* № 5000 и *žēluba* № 4950; *ābula* № 747; *pakulin'a* и *pakalin'a* № 3412; *ozals* и *ozuls* 2796₆, 3521 вариантъ и

¹⁾ Въ одной сказкѣ я встрѣтилъ въ томъ же значеніи слово *bagatēris*. См. Rīgas Rakstu Krājums. II, 118.

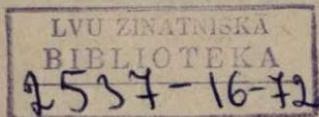
др.); въ другомъ направленіи форма *istuba развилаь въ *ustuba* у витебскихъ латышей, какъ у нихъ же находимъ форму *ūzul'eni* (3386₁, 3446₁). Краткость *i* въ *istuba* указываетъ на оригинальную славянскую форму *īstūba*, которая черезъ *j*—*ī*—*stūba* развилаь въ *uцѣба*. Если латышская форма, дѣйствительно, заимствована изъ славянской, чего нельзя сказать съ увѣренностью о литовской, то мы приобретаемъ важное свидѣтельство о древности славяно-латышскихъ сношеній. Вообще, еще предстоитъ изслѣдовать, подверглись ли латыши германскому вліянію въ періодъ такъ называемыхъ „готскихъ“ заимствованій (*тѣмъзъ*, *кладъзъ*, *склаъзъ* и др.), или они получили кое-какія слова этого круга черезъ славянъ. О словѣ *uцѣба* это, кажется, можно сказать навѣрное.

Другимъ словомъ, проникшимъ отъ славянъ къ латышамъ уже въ очень древнее время, является общеславянское *крѣтъ* (въ польск. въ Kazan. Gniezn. *kresłh*; въ XVI вѣкѣ *krzesth* см. Spraw. Kom. Jez. I, 283), которое въ латышскомъ языкѣ приняло форму *kristis*, довольно распространенную въ діалектахъ (напримѣръ, въ нашемъ сборникѣ № 2027 *krista bērni*, № 2365 *nekristits*; также *kristamāle*, *krista dēli* и т. д.). Въ литературномъ языкѣ эта форма неупотребительна и замѣняется формой *krusts*. Было бы весьма интересно разрѣшить вопросъ объ отношеніи этихъ двухъ формъ (*krist*—: *krust*—); является ли *u* въ послѣдней фонетической замѣной *i*, какъ въ *timsus: tumsus* (*timsā* № 3426), *kanipes: kan'upes* и др., или различіе формъ основано на томъ, что онѣ были заимствованы въ разное время изъ разныхъ оригиналовъ (*крѣтъ* *Cristus; *крѣтъ* = *krst* —, откуда *krust* —).

Изъ вышеприведенныхъ замѣчаній читатель видитъ, какое крупное научное и общественное значеніе долженъ имѣть сборникъ г. Виссендорфа и Барона. Мы имѣемъ основаніе ждать съ нетерпѣніемъ продолженія этого важнаго изданія, и не можемъ не пожалѣть, что его выходъ какъ будто на время остановился: послѣдній выпускъ появился уже въ 1898 году. Первый вышелъ въ 1894 году: значить, въ четыре года появилось 10 выпусковъ, и съ тѣхъ поръ вотъ уже пятый годъ не выходитъ ничего. Пожелаемъ, чтобы нашлись и средства, и досугъ для окончанія изданія, которое дастъ намъ полное представленіе о латышскомъ пѣсенномъ творествѣ.

Переходимъ къ другому латышскому изданію съ богатымъ этнографическимъ матеріаломъ. Это сборники научныхъ комиссій при Рижскомъ и Митавскомъ латышскихъ обществахъ, такимъ образомъ

двѣ серіи изданій. Рижское общество выпустило до сихъ поръ 13 выпусковъ, изъ которыхъ послѣдній, миѣ извѣстный, вышелъ въ 1901 году. Кромѣ отчетовъ о дѣятельности комиссіи, заключающейся въ выдачѣ студентамъ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній денежныхъ пособій, въ устройствѣ библіотеки и собранійхъ, на которыхъ читались рефераты по вопросамъ научной разработки латышскаго языка и фольклора, и кромѣ библіографическихъ отчетовъ о ходѣ латышской литературы за отдѣльные годы, отчетовъ, очень цѣнныхъ для всѣхъ занимающихся данной дисциплиной, — сборники заключаютъ въ себѣ рядъ статей, посвященныхъ латышской этнографіи, языку и правописанію. По вопросу о послѣднемъ научная комиссія имѣла цѣлый рядъ засѣданій, въ результатъ которыхъ пришла къ рѣшенію (въ 1885 г.) не означать надъ гласными долготы и держаться передачи звуковъ *š, ž, č* и мягкихъ согласныхъ съ помощью запятой, поставленной подъ буквой. Несомнѣнно, что эта транскрипція звуковъ представляетъ прогрессъ въ сравненіи со старой сложной азбукой, которой напечатанъ и сборникъ г. Виссендорфа-Барона, но все же въ ней много неудобнаго. Во-первыхъ, принципъ подписыванія знаковъ подъ буквой неудобенъ потому, что при подчеркиваніи слова онъ легко можетъ стереться и слиться съ чертой; принципъ, предложенный редакціей журнала *Finnisch-Ugrische Forschungen* всѣ знаки выносить надъ строчку, въ этомъ отношеніи гораздо удобнѣе. Далѣе, къ чему сочинять буквы, не употребляющіяся ни въ одномъ другомъ алфавитѣ, когда литературная традиція давно уже осватила употребленіе буквъ *š, ž, č* въ различныхъ языкахъ (транскрипція санскрита; научное правописаніе, употребляемое романистами, славистами и др.; изъ литературныхъ языковъ чешскій, литовскій, отчасти старопольскій и т. д.). Наконецъ, врядъ ли полезно какъ для развитія языкового чутья, такъ и въ смыслѣ научной передачи звуковъ выводить изъ употребленія обозначеніе долготы гласныхъ: примѣръ чешскаго языка, который въ этомъ отношеніи такъ же чувствителенъ, какъ и латышскій, долженъ былъ бы предостеречь латышскихъ реформаторовъ азбуки отъ увлеченія. Если вмѣсто возможно точной транскрипціи вводится неточная и небрежная передача звуковъ, не основанная къ тому же на исторической традиціи, это прямой регрессъ, который долженъ отразиться и на языкѣ, ибо между грамматическими требованіями правописанія и произношеніемъ звуковъ грамматически образованными людьми всегда существуетъ соотвѣствіе.

двѣ серіи изданій. Рижское общество выпустило до сихъ поръ 13 выпусковъ, изъ которыхъ послѣдній, миѣ извѣстный, вышелъ въ 1901 году. Кромѣ отчетовъ о дѣятельности комиссін, заключающейся въ выдачѣ студентамъ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній денежныхъ пособій, въ устройствѣ библиотеки и собраніяхъ, на которыхъ читались рефераты по вопросамъ научной разработки латышскаго языка и фольклора, и кромѣ библиографическихъ отчетовъ о ходѣ латышской литературы за отдѣльные годы, отчетовъ, очень цѣнныхъ для всѣхъ занимающихся данной дисциплиной, — сборники заключаютъ въ себѣ рядъ статей, посвященныхъ латышской этнографіи, языку и правописанію. По вопросу о послѣднемъ научная комиссія имѣла цѣлый рядъ засѣданій, въ результатѣ которыхъ пришла къ рѣшенію (въ 1885 г.) не означать надъ гласными долготы и держаться передачи звуковъ *š*, *ž*, *č* и мягкихъ согласныхъ съ помощью запятой, поставленной подъ буквой. Несомнѣнно, что эта транскрипція звуковъ представляетъ прогрессъ въ сравненіи со старой сложной азбукой, которой напечатанъ и сборникъ г. Виссендорфа-Барона, но все же въ ней много неудобнаго. Во-первыхъ, принципъ подписыванія знаковъ подъ буквой неудобенъ потому, что при подчеркиваніи слова онъ легко можетъ стереться и слиться съ чертой; принципъ, предложенный редакціей журнала *Finnisch-Ugrische Forschungen* всѣ знаки выносить надъ строчку, въ этомъ отношеніи гораздо удобнѣе. Далѣе, къ чему сочинять буквы, не употребляющіяся ни въ одномъ другомъ алфавитѣ, когда литературная традиція давно уже осватила употребленіе буквъ *š*, *ž*, *č* въ различныхъ языкахъ (транскрипція санскрита; научное правописаніе, употребляемое романистами, славистами и др.; изъ литературныхъ языковъ чешскій, литовскій, отчасти старопольскій и т. д.). Наконецъ, врядъ ли полезно какъ для развитія языкового чутья, такъ и въ смыслѣ научной передачи звуковъ выводить изъ употребленія обозначеніе долготы гласныхъ: примѣръ чешскаго языка, который въ этомъ отношеніи такъ же чувствителенъ, какъ и латышскій, долженъ былъ бы предостеречь латышскихъ реформаторовъ азбуки отъ увлеченія. Если вмѣсто возможно точной транскрипціи вводится неточная и небрежная передача звуковъ, не основанная къ тому же на исторической традиціи, это прямой регрессъ, который долженъ отразиться и на языкѣ, ибо между грамматическими требованіями правописанія и произношеніемъ звуковъ грамматически образованными людьми всегда существуетъ соотвѣтствіе.

Вопросамъ языка въ литературныхъ сборникахъ рижскаго латышскаго общества (*Rakstu Krajums izdots no Rigas Latvešu Beedribas Zinibu komisijas. Riga*) посвященъ рядъ статей, касающихся такихъ выдающихся явленій латышскаго языка, какъ разнообразное произношеніе гласныхъ звуковъ ¹⁾, синтаксическое употребленіе причастій различнаго образованія ²⁾, остатки старыхъ падежей и морфологическихъ образованій и новообразованія въ родѣ дебитива (формы со значеніемъ *нужно*) ³⁾. Если мы присоединимъ къ этому разработку латышскаго языка въ статьяхъ *Г. Эндзеліня*, *П. Шмидта*, *К. Мюлленбаха*, *Г. Зубатаго*, *А. Беценбергера* и др. въ русскихъ, чешскихъ, латышскихъ и нѣмецкихъ журналахъ, то мы получимъ довольно точное представленіе о научныхъ интересахъ къ латышскому языку со стороны мѣстныхъ и иноземныхъ ученыхъ. Особенно продуктивны г. Мюлленбахъ, статьи котораго, представляющія выдающійся интересъ для всякаго лингвиста, напечатаны частью въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, частью въ „Indogermanische Forschungen“, но по преимуществу въ латышскомъ популярномъ журналѣ „Austrums“, откуда они извлечены въ видѣ трехъ сборниковъ,—и, кромѣ него, г. Эндзелінь, который особенно за послѣдніе годы напечаталъ весьма много работъ по латышскому языку, освѣщающихъ его явленія съ точки зрѣнія сравнительнаго языкознанія.

На словарные матеріалы латышское общество въ Ригѣ обратило большое вниманіе, предпринявъ изученіе ботаническихъ и зоологическихъ названій латышскаго народа, дополненіе словаря Ульмана и т. под. Кромѣ того, имена населенныхъ мѣстъ и урочищъ начинаютъ привлекать его вниманіе, хотя, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи сдѣлано меньше, чѣмъ можно бы ожидать. Только въ 3 и 4 книжкахъ литературнаго сборника напечатанъ рядъ статей о мѣстныхъ

¹⁾ *Г. Вельме*, „О тройкой долготѣ латышскихъ гласныхъ“. *Г. Пелексъ*, „О долготѣ латышскихъ гласныхъ“ (обѣ статьи въ 9-й книжкѣ Литер. Сборн. за 1894 годъ). *Г. Эндзелінь*, Произношеніе дифтонговъ и долгихъ гласныхъ въ латышскомъ языкѣ (въ 11-й книжкѣ за 1897 годъ).

²⁾ *Г. Фрейбергеръ*, О латышскихъ причастіяхъ на *-ot* и *-dam* (во 2-й кн. за 1884 г.). *Г. Вельме*, О латышскихъ причастіяхъ (въ 3-й кн. за 1885 г.).

³⁾ Такъ, въ 13-й книжкѣ помѣщены статьи: *Г. Эндзеліня*, „Какъ возникъ и употребляется въ народномъ языкѣ дебитивъ?“, „О рефлексивныхъ формахъ латышскаго языка“ и „Instrumentalis“, *К. Мюлленбаха*, „Объ окончаніи *-ums*“, статья неизвѣстнаго мнѣ автора „О судьбѣ средняго рода въ латышскомъ языкѣ“, наконецъ, хорошо записанные диалектологическіе матеріалы *Г. Эндзеліня* и *К. Мюлленбаха*.

названіяхъ; въ послѣдующихъ же книжкахъ его онѣ отсутствуютъ, какъ и словарные матеріалы (дополненія къ словарю Ульмана во 2 и 3 книжкахъ, „Ботаническія названія“ г. Ильстера во 2 и 3 книжкѣ, только въ 9 кн. „Рыбы Рижскаго залива“ А. Матиса). На дополненія къ словарю Ульмана, представляющія не мало литературныхъ словъ, неуспѣвшихъ войти въ его собранія словъ, я обращаю особенное вниманіе лингвистовъ: любопытно, какъ по образцу иностранныхъ языковъ сковывается словарный матеріалъ собственнаго литературнаго языка. Такъ нѣмецкіе *leichtsinnig*, *leichtgläubig* передаются черезъ *vēgl-prātīgs*, *vēgl-tīcīgs*, *altgläubig*—*vec-tīcīgs*; *der Dunkelmann* переводится съ помощью *tumsonis* (отъ *tumsus*—темный), *international*—*starptautīks*, *freisinnig*—*brīvprātīgs* и т. д. Попадаютъ и новыя заимствованія изъ русскаго языка: *rūda* (руда), *spička* (сничка), *trijjūgs* (тройка,—*trij*+*jūgs*) и др. Въ литературныхъ сборникахъ мы находимъ три статьи, посвященныя новымъ заимствованиямъ и новообразованиямъ въ языкѣ: „о чужихъ словахъ“ (13 кн.), г. Кажока „Языкъ нашей письменности и языкъ нашихъ отцовъ“ (8 кн.) и г. Клявиня „О нѣкоторыхъ значеніяхъ двухъ понятій“ (*rakstvedis*—письмоводитель и *tēsmeklis*—судебный слѣдователь) въ 7-й книжкѣ.

Переходимъ къ этнографическимъ матеріаламъ. Оставляя въ сторонѣ совершенно ненаучныя міеологическія построенія г. Лаутенбаха, которыя находятся въ полномъ противорѣчій съ трезвымъ и научнымъ направленіемъ журнала, я перечислю въ порядкѣ книжекъ его тѣ этнографическіе сборники, которые мы въ немъ находимъ.

Почти въ каждой книжкѣ мы находимъ что-нибудь интересное въ этомъ отношеніи: сборникъ повѣрій, пословиць, загадокъ, сказокъ, пѣсенъ и т. п. Попадаютъ собранія матеріала и для исторіи одежды: такъ въ 3-й и въ 7-й книжкахъ г. Зильшь и г. Аронъ Матисъ помѣстили статьи „Объ окрашиваніи шерсти и женской одежды въ прежнія времена“. Встрѣчаемъ мы и цѣльныя этнографическія описанія опредѣленныхъ районовъ („О латышахъ Илукштскаго уѣзда. Этнографическія и статистическія свѣдѣнія“ С. Новицкаго въ 11-й кн.), и матеріалы для исторической этнографіи („Гдѣ находился замокъ *Autine* латышскаго вождя Варидота?“ Таливальда въ 10-й кн.), и описанія народныхъ празднествъ (между прочимъ, грициць подъ названіемъ охоты на птицъ—*putnu dzīšana* и стрѣльбы яицъ *rautu šaušana* въ 13-й кн., свадьбы въ Дандангенскомъ приходѣ въ старое время въ 6-й кн.).

Въ 3-й кн. Литературнаго сборника находимъ сборникъ сказокъ,

записанныхъ разными лицами. Здѣсь, кромѣ обычныхъ бродячихъ сюжетовъ, помѣщенъ рядъ легендъ космологическаго содержанія (о лосѣ, ласточкѣ, волкѣ, медвѣдѣ; о спустившихся озерахъ), преданія міеологическаго характера (о пукисахъ, о чертяхъ, о вѣдьмахъ), при чемъ въ сказкахъ изъ Пѣнавы особенно много чертъ, напоминающихъ средневѣковую мистику, откуда онѣ вѣроятно и проникли въ латышскій народъ; подтвержденіемъ этому взгляду могутъ служить извѣстныя латышскія сказки о чертяхъ, которые приходятъ на посидѣлки, чтобы хватать танцующихъ, и другія преданія съ аскетическимъ направлениемъ, которое проникало въ народную среду, конечно, только черезъ духовенство, твердившее о грѣховности всякаго свѣтскаго веселья. Вообще, изслѣдованіе латышской народнѣ мистики открыло бы среди немногаго, восходящаго къ доисторической старинѣ, весьма много специфически средневѣковаго, разливагося благодаря процессамъ вѣдьмъ и усиліямъ духовенства по всей католической и протестантской Европѣ, особенно въ XVI вѣкѣ, Teufels-Jahrhundert Европы).

Весь 5-й выпускъ (1889 г.) посвященъ народнымъ пѣснямъ, расположеннымъ въ порядкѣ сюжетовъ, что облегчаетъ ихъ обзоръ (море, озеро, рѣка, Двина, снѣгъ, туманъ и роса, вѣтеръ и т. д.). Не отсутствуютъ здѣсь, конечно, и пѣсни „міеологическаго“ содержанія, распределенныя по рубрикамъ: лайма, злой день, солнце (дѣва солнца № 1291, сора Бога съ солнцемъ, вслѣдствіе которой „Богъ швырнулъ въ солнышко серебрянымъ камнемъ“ № 1292 и др. — всего 22 пѣсни), мѣсяць („сынъ Божій“), утренняя звѣзда, громъ, Богъ и сыновья Бога; различныя міеологическія пѣсни (напримѣръ, о Мартынѣ и другія, не заключающія въ себѣ ровню ничего міеологическаго). Что касается пѣсенъ всѣхъ этихъ рубрикъ, то онѣ, дѣйствительно, заключаютъ въ себѣ интересный матеріалъ, конечно, не для исторіи латышской міеологіи, но для пониманія художественнаго творчества этого народа, одареннаго большимъ поэтическимъ чутьемъ. Къ сожалѣнію, только страсть къ міеологизаціи, вообще присущая народностямъ, у которыхъ трезвая наука еще не успѣла сдѣлать свое критическое дѣло, заставляетъ относиться съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ къ пѣснямъ „міеологическаго“ содержанія. Литературный опытъ прошлыхъ временъ у насъ и на Западѣ доказаль съ полной очевидностью, что даже самые порядочные и честные въ житейскомъ смыслѣ люди не разъ бывали повинны въ міеологическомъ сочинительствѣ, которое въ ихъ глазахъ вовсе не являлось нарушеніемъ какихъ-либо требованій морали, а напротивъ представля-

лось высоко патриотическимъ подвигомъ. Вслѣдствіе этого, не въ укоръ будь сказано собирателямъ латышскаго народнаго творчества, которые заслуживаютъ величайшаго уваженія и благодарности, имъ слѣдовало бы относиться съ возможной осторожностью къ опредѣленію пѣсни мѣологической и соблюдать скептицизмъ при записываніи таковыхъ. Иначе, не трудно насочинить цѣлый Олимпъ боговъ и богинь, какъ ихъ надѣлалъ, напримѣръ, г. Фекенштедтъ, а изъ латышскихъ писателей хотя бы г. Лаутенбахъ въ своей поэмѣ „Лига“. Противъ подобной мѣологизаціи, настоящей отравы народнаго духа, въ которомъ слѣдуетъ воспитывать прежде всего стремленіе къ трезвой мысли, должны были бы возстать всѣ латышскіе литературные дѣятели, просвѣтленные настоящимъ свѣтомъ знанія.

Въ 6-й книгѣ Сборника, кромѣ указаннаго описанія свадьбы, мы находимъ довольно большой сборникъ поговорокъ (1018 номеровъ) и очень цѣнное собраніе повѣрій, на которомъ остановлюсь нѣсколько дольше. Прежде всего, здѣсь помѣщены повѣрія на разные дни года, прогностическія примѣты объ урожаѣ, о счастьи и удачѣ въ различныхъ житейскихъ дѣлахъ. Далѣе идутъ примѣты, связанныя съ временами дня (утро, вечерь), года (весна, Великій постъ), съ различными семейными событіями (сватовство, крестины, похороны) и моментами земледѣльческаго кругооборота (пахота, сѣвы), съ пчеловодствомъ, рыболовствомъ, различными домашними занятіями и т. п.; далѣе идутъ всевозможныя суевѣрія, расположенныя опять-таки въ предметномъ порядкѣ, свѣдѣнія по народной медицинѣ и т. п. Въ общемъ, обо многомъ, но понемногу. Если мы сравнимъ сходныя изданія финскаго литературнаго общества, гдѣ по цѣлому тому посвящено на суевѣрія, связанныя съ охотой или съ рыболовствомъ, то указанный латышскій сборникъ произведетъ на насъ довольно жалкое впечатлѣніе: если пѣсенное творчество латышскаго народа уже прекрасно представлено въ рядѣ цѣнныхъ сборниковъ, то другія стороны его словесности освѣщены сравнительно еще мало; нѣкоторое исключеніе изъ этого вывода можно сдѣлать, какъ мы увидимъ ниже, только для сказокъ. Но такая интересная сторона народнаго поэтическаго быта, какъ примѣты, повѣрья, пока еще едва затрагивается собирателями. И между тѣмъ въ этихъ примѣтахъ не мало любопытнаго и болѣе древняго, чѣмъ въ такъ-называемой мѣологіи: повѣрія, соединяемыя съ баней, съ порогомъ и т. д., отзываются большой стариной.

Отличный сборникъ загадокъ помѣщенъ въ 7-й книжкѣ Сборника. До сихъ поръ мы имѣли только изданіе Биленштейна „1000 Lettische

Räthsel“ (Mitau. 1881), которое получаетъ значительное дополненіе въ лицѣ сборника латышскаго общества въ Ригѣ (1892), обнимающаго 1472 номера загадокъ, не считая иногда многочисленныхъ вариантовъ къ нимъ. Расположены онѣ такъ же, какъ у Биленштейна, т. е. въ алфавитномъ порядкѣ отгадокъ. Сравнивая оба сборника, мы должны отдать рѣшительное преимущество въ смыслѣ полноты и интереса содержанія послѣднему: тамъ, гдѣ Биленштейнъ приводитъ иногда всего одну загадку, новый сборникъ знаетъ ихъ три—четыре (окно—у Биленштейна 1 загадка, въ сборникѣ 1892 г.—8; ротъ и зубы—3 : 5; и т. д.), но, конечно, бываютъ и такіе предметы, о которыхъ загадки есть въ одномъ и отсутствуютъ въ другомъ сборникѣ (у Биленштейна естественно мы не найдемъ довольно забавныхъ и малопочтительныхъ загадокъ о пасторѣ—*mācīlajis* и т. п.). Въ общемъ, пользуясь обоими собраніями, можно было бы дать весьма интересное обзорнѣе мотивовъ латышской загадки, въ созданіи которой переплетались самые различные элементы, въ томъ числѣ и финскіе, какъ показываетъ, напримѣръ, загадка № 714 (1892 г.). *Iumalīna tek racelu, izkrit zelta atslēdzīna* (=Юмалиня бѣжить по дорогѣ, ронить золотой ключикъ), что значитъ: *мысль и шей*. Загадка о комарѣ („кривоногій отецъ крови“) стоитъ въ связи съ легендами о потопѣ и роли, которая принадлежала комару въ трудную минуту, когда онъ, испробовавъ крови всѣхъ земныхъ существъ, объявилъ, что кровь челоуѣка всего вкуснѣе, и что поэтому онъ долженъ быть добычей змѣи. Въ связи съ загадками финскими, эстонскими и литовскими и съ народными сказаніями и повѣртіями латышская загадка представляетъ чрезвычайно интересный сюжетъ для серьезной этнографической работы.

Народной медицинѣ латышей посвящены двѣ работы г. Алкениса: „Materialien zur lettischen Volksmedizin“ (Halle. 1894) и матеріалы, помѣщенные въ 12-й книжкѣ литературнаго сборника: кромѣ различныхъ лѣченій травами и симпатическими средствами, здѣсь не мало любопытныхъ указаній на мистическія представленія народа о причинахъ болѣзней, заговоры и т. п. На стр. 41—46 напечатана интересная *Svētā gramata* или *Gendija* съ указаніемъ на счастливые и несчастные дни и мистическія причины счастья и несчастья въ опредѣленные дни. Насколько мнѣ извѣстно, это единственная доселѣ найденная параллель къ нашимъ сказаніямъ о дняхъ, и, какъ таковая, она заслуживала бы особаго вниманія со стороны нашихъ специалистовъ по древне-русской мистической литературѣ.

Таково содержаніе 13 выпусковъ Литературнаго сборника, издаваемого латышскимъ обществомъ въ Ригѣ. Какъ мы видѣли, оно отличается нестротой и извѣстной случайностью матеріала: рядомъ съ отличными сборниками сказокъ, загадокъ, пословицъ и повѣрій мы находимъ здѣсь статьи по міоологіи, совсѣмъ ненаучныя; статьи по языку чередуются съ библиографическими обзорами и спорами о правописаніи. Будучи органомъ молодой литературы, еще не успѣвшей принять опредѣленной фізіономіи, эти сборники и не могли имѣть иного характера: если это не совершенная случайность, то подборъ статей въ послѣднихъ книжкахъ журнала, повидимому, показываетъ, что за послѣднее время интересъ къ научному изученію родного языка въ латышской интеллигенціи преобладаетъ надъ интересами этнографическими. Это вполне научное движеніе, которое обѣщаетъ совершенно вытѣснить диллетантизмъ въ разсужденіяхъ о языкѣ, міоологіи и культурѣ балтійскихъ народовъ, которымъ такъ долго были отмѣчены, да и до сихъ поръ отличаются работы нѣкоторыхъ латышскихъ и литовскихъ писателей. Будучи естественнымъ явленіемъ на первыхъ порахъ разработки данныхъ вопросовъ со стороны писателей, которыми руководилъ благородный интересъ къ родному языку и быту, но которые своей научной подготовкой не были призваны къ освѣщенію ихъ, стоящему на уровнѣ научныхъ требованій,—этотъ диллетантизмъ долженъ былъ привести къ созданію настоящей науки на подготовленной такимъ образомъ національной почвѣ: и работы г. Мюлленбаха, П. Шмидта, Энделина и др. ручаются за то, что это научное направленіе получило уже вполне права гражданства у себя на родинѣ.

Съ 1890 года начало выходить и другое изданіе этнографическаго содержанія. Это—*Jelgavas Latvėšu Bēdribas Rakstnēcibas Nodalas Rakstu Krājums* (Литературный Сборникъ литературнаго отдѣла Митавскаго латышскаго общества), котораго до сихъ поръ вышло 6 выпусковъ (послѣдній въ 1901 году) въ 7 книжкахъ. Въ отличіе отъ своего рижскаго товарища этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ только этнографическій матеріалъ и, не претендуя на разработку вопросовъ правописанія, печатается обычнымъ латышскимъ алфавитомъ, неудобства котораго были нами уже отмѣчены въ разборѣ сборника г. Барона-Виссендорфа. Обратимся къ содержанію вышедшихъ книгъ.

I выпускъ заключаетъ въ себѣ народныя пѣсни, извѣстныя подъ именемъ *wirknes*, т. е. „нанизей“. Онѣ состоятъ изъ сцѣпленія четверостишіи, которыя подобраны по смыслу и даютъ въ суммѣ довольно длинную пѣсню отъ 6—8 до 24 и болѣе строкъ. Для исторіи

народной пѣсни вообще и въ частности нашей „частушки“ этотъ сборникъ представляетъ много интереснаго; къ сожалѣнію, все это еще лежитъ въ полномъ пренебреженіи со стороны нашихъ этнографовъ. Но вотъ одинъ примѣръ, какъ слагается *wirke*. Возьмемъ № 167:

Деревенская красота сиротка,
 Ни къ кому она не ходила.
 Пойду въ конюшню, осѣдлаю коня,
 Поѣду тихонько посмотрѣть,
 Пришла ли она, не пришла ли,
 Она ли мнѣ отвѣтила?
 Идетъ дѣвушка рыдая,
 Вытирая слезы.
 Одной рукой подняла ворота,
 Другой вытираетъ слезы.
 „Отчего ты, дѣвушка, плачешь,
 Почему вытираешь слезы?
 „Какъ, молодецъ, мнѣ не плакать?
 Нѣтъ у меня ни отца, ни матери,
 Ни отца, ни матери,
 Ни родного брата!“
 „Приди, дѣвушка, ко мнѣ,
 Есть у меня и отецъ, и мать,
 Есть и отецъ, и мать,
 Есть и родные братцы“.
 „Стары твои отецъ и мать,
 Чванные у тебя братцы.
 Я подожду, пова за мною
 Приѣдетъ сиротинка“.

Cēma dail'a sērdēnīte
 Ne pē vēna ta negāja.
 Eju stali, segloj' bēro,
 Jāšu tīši apraudriti,
 Vaj ta nāca, vaj nenāca,
 Vaj ta manim atsacīja?
 Nāk meitin'a raudadama,
 Asarin'as slaucidama.
 Vēnu roku vārtus cēla,
 Otru slauka asarin'as.
 „Kapēc, meitin', raudi tu?
 Kapēc slauki asarin'as?“
 „Kā, puisiti, neraudašu,
 Nav man tēva, māmulin'as,
 Nav man tēva, māmulin'as,
 Ne īstena bālelin'a“.
 „Nāc, meitin'a, tu pē manis,
 Man ir tēvs un māmulin'a,
 Man ir tēvs un māmulin'a,
 Man īsteni bālelini“.
 „Sīvi tavi tēvs, māmīn'a,
 Lepni tāvi bālelin'i.
 Es gaidīšu sērdēniti
 Pē manimi atjājoti“.

Если мы сравнимъ эту пѣсню съ ея вариантами, помѣщенными въ сборникѣ г. Барона-Виссендорфа, изъ которыхъ шесть напечатаны цѣликомъ и еще нѣсколько въ извлеченіи (№ 5256, стр. 794—795), то мы увидимъ, что при одинаковомъ болѣе или менѣе началѣ въ дальнѣйшемъ пѣсня развивается различнымъ образомъ. Такъ, въ 4 вариантахъ послѣ жалобы сироты, что у нея нѣтъ родителей и братьевъ пѣсня продолжаетъ: „Иди, дѣвушка, ко мнѣ, я буду тебѣ и отцомъ, и матерью, и роднымъ братцемъ; я буду сѣдлать коня, а ты стлать постельку“. Вариантъ 3 обрывается на увѣреніи млодца, что у него есть и родители, и братья; въ вариантѣ 2-мъ мотивы, по которымъ дѣвушка-сиротка отказывается отъ выхода замужъ за богатаго жениха, изложены нѣсколько иначе, чѣмъ въ вышеприведенной пѣсенѣ. Съ другой стороны, иначе можетъ быть развито и начало пѣсни: такъ, вариантъ 1 подробно останавливается на добродѣтеляхъ

сиротки и объясняетъ, почему молодець хочетъ ѣхать *потихоньку*, что не совсѣмъ понятно въ основной пѣснѣ. Самостоятельность частей въ этой пѣснѣ весьма велика, и если она въ настоящее время получила такое единство, при которомъ ее уже трудно разложить на составные элементы, то въ другихъ пѣсняхъ сборника „Tautas dzēsmu vīrknes“ подобное разложеніе напрашивается само собой (напр. № 108, 72 и мн. др.). Повторяю, что для исторіи эволюціи народной пѣсни названный сборникъ даетъ обильный матеріаль.

Во 2-мъ выпускѣ литературнаго сборника Митавскаго латышскаго общества, вышедшемъ въ 1893 году, находимъ цѣнный этнографическій матеріаль: сказки; преданія, связанныя съ мѣстностями; повѣрья и описанія обычаевъ и т. д.; среди послѣднихъ встрѣчаемъ описанія свадебныхъ и крестинныхъ торжествъ. Старательно составленъ отдѣлъ повѣрій, расположенный въ нѣсколькихъ рубрикахъ (1. Особенные дни. 2. Животныя. 3. Различные обычаи и суевѣрія, въ томъ числѣ и заговоры). Далѣе идутъ небольшія собранія загадокъ и пословицъ, за которыми слѣдуютъ „образцы говоровъ“ изъ 33 мѣстностей. Уже этотъ краткій обзоръ показываетъ, что передъ нами выдающійся по своему этнографическому значенію сборникъ. Въ томъ же 1893 году вышелъ и 3-ій выпускъ разсматриваемаго нами изданія, посвященный цѣликомъ сказкамъ, записаннымъ г. Бирзгѣкомъ. Всего здѣсь 38 номеровъ; среди сказокъ, представляющихъ въ огромномъ большинствѣ сказочные бродячіе сюжеты, есть нѣсколько любопытныхъ легендъ космологическаго содержанія (о происхожденіи волка, медвѣдя), продуктовъ средневѣковой мистики и сказокъ, въ которыхъ очень ярко проявляется „душа народа“ (напр. № 33. „Кони черта“ — непримиримая ненависть къ господамъ — нѣмцамъ, отмѣченная нами и въ пѣснѣ). Чрезвычайно интересенъ и слѣдующій сборникъ общества (№ 4), вышедшій въ 1894 году: здѣсь напечатано 69 номеровъ легендъ, связанныхъ съ урочищами и другими мѣстностями (о возникновеніи озеръ, о кладяхъ, о замкахъ и т. д.), далѣе — нѣсколько этнографическихъ описаній (объ Ивановой ночи, рассказы старыхъ людей о старинѣ и др.). 5-ый выпускъ (1896), раздѣленный на двѣ книжки, представляетъ тщательный подборъ легендъ о мѣстностяхъ, космологическихъ сказаній, преданій міеологическаго характера и сказокъ. Выдающійся интересъ долженъ былъ бы представить для этнографа послѣдній выпускъ литературнаго сборника, появившійся въ 1901 году. Это неуступающее по своей обстоятельности финскимъ изданіямъ собраніе всевозможныхъ повѣрій, которыя связываются съ

рожденіемъ и воспитаніемъ дѣтей; приведены самыя мелочныя подробности материнскихъ заботъ. Этотъ сборникъ составленъ преподавателемъ гимназіи, г. Петерсономъ, и носитъ названіе: „Latvėšu mate ar bērni“ (латышская мать съ дитятей).

Изъ этого обзора, который долженъ былъ по необходимости выйти очень краткимъ, читатель, вѣроятно, увидитъ, сколько цѣннаго даютъ изданія Митавскаго латышскаго общества, которыя въ этнографическомъ отношеніи, какъ мнѣ кажется, значительно превосходятъ одноименныя изданія Рижскаго общества.

Подобно тому, какъ латышская народная пѣсня становится намъ извѣстной во всемъ своемъ объемѣ, благодаря цѣлому ряду названныхъ сборниковъ, такъ мы получаемъ возможность ознакомиться и съ латышской народной сказкой, которая обратила на себя должное вниманіе какъ въ названныхъ уже этнографическихъ собраніяхъ, такъ и въ большомъ собраніи г. Лерхъ-Пушкайтиса, обнимающемъ 5 книгъ (1891—1894) и дающемъ свыше 850 сказокъ, повѣрій, легендъ мѣологическаго, космологическаго и романическаго содержанія. Въ послѣднемъ 5-омъ выпускѣ названнаго сборника значительная часть матеріаловъ принадлежитъ заслуженному собирателю произведеній латышскаго народнаго творчества г. Трейланду (Бривземиѣку), который издалъ въ Москвѣ сборникъ латышскихъ пѣсенъ, заговоровъ и (1888) сказокъ (первые два сборника съ латышскимъ текстомъ и съ русскимъ переводомъ, послѣдній только въ переводѣ). Еще ранѣе вышелъ его же небольшой сборникъ: „Сказки нашего народа“ (цензурная помѣтка—9 ноября 1887 года), обнимающій 27 номеровъ.

Небольшой этнографическій матеріалъ въ переѣмку съ литературнымъ заключается въ изданіи латышскихъ студентовъ Юрьевскаго университета: *Seta, daba, pasaule* (Дворъ, природа, вселенная); однако имѣя подъ руками всего одинъ выпускъ этого изданія, я не буду входить здѣсь въ его разсмотрѣніе. Прежде, чѣмъ перейти къ трудамъ, посвященнымъ витебскимъ латышамъ, упомяну о любопытномъ небольшомъ сборникѣ г. Шанберга: „Latvėšu tautas apdzēšanas dzēsmas“ (Ielgava. 1888), гдѣ помѣщено нѣсколько длинныхъ игровыхъ пѣсенъ, въ которыхъ дѣвушка и юноша перебрасываются шуточными замѣчаніями: напримѣръ, юноша проситъ дѣвушку выйти за него замужъ, та отказываетъ ему, учитъ его, какъ надо ухаживать за нею. На игры, которыя у латышей врядъ-ли сохранили какія-нибудь черты старины, обращено еще очень мало вниманія. Назову на всякій случай сборнички г. Самса и Тарзѣрса „Игры дома и въ

школѣ“ (Вольмаръ. 1890) и г. Руйенэкса „Игральникъ“ (иначе трудно перевести слова Rotal'nëks), заключающій 110 игръ, загадки и другія развлеченія (Рига. 1886).

Разсмотрѣніе трудовъ не латышскихъ ученыхъ по этнографіи латышей въ мой обзоръ не входитъ, но я все-таки назову нѣсколько книгъ, посвященныхъ витебскимъ латышамъ: прежде всего, надо упомянуть объ очень цѣнномъ (несмотря на нѣкоторые промахи въ записяхъ) сборникѣ Э. А. Вольтера „Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи“ (I часть. С.-Петербургъ. 1890), заключающемъ описаніе народныхъ праздниковъ и семейныхъ торжествъ латышей; далѣе польскія изданія г-жи Стеф. Уляновской: „Łotysze Inflant polskich a w szerególności z gminy Wieloniskej powiatu Rzez'uskiego“ (Краковъ. 2 части. 1891 — 1892), дающія обзоръ народнаго быта и сборникъ пѣсенъ витебскихъ латышей и наконецъ „Padania litewskie“ Вл. Верыги, вошедшія въ составъ библіотеки „Вислы“ (т. X. Варшава. 1892 г.); здѣсь напечатаны сказки латышей Люцинскаго уѣзда.

Подведемъ итоги изложеннаго. Мы видимъ, что латышская этнографія развилась за послѣднія 15 лѣтъ очень сильно, что она обогатилась рядомъ прекрасныхъ изданій, и что различныхъ матеріаловъ и вопросовъ для изслѣдованія непочатой уголь. Но изслѣдователей нѣтъ и въ этомъ, конечно, латышская интеллигенція виновата всего менѣе. Дѣйствительно, если мы посмотримъ на размноженіе этнографическихъ сборниковъ по латышскому и литовскому фольклору (послѣднее, къ сожалѣнію, лишь въ заграничныхъ изданіяхъ, выходящихъ въ Тильзитѣ—Mitteilungen der littauischen literarischen Gesellschaft и въ Америкѣ—Dirva, гдѣ печатаетъ свои фантастическіе этюды и цѣнные этнографическіе матеріалы г. Бассановичъ), то мы поймемъ всю необходимость ихъ разработки, все значеніе фольклора балтійскихъ народовъ для славянской и русской этнографіи. Однако при отсутствіи какихъ-нибудь центровъ, которые могли бы культивировать литовско-латышское языкознаніе и этнографію, трудно ожидать, что въ этомъ направленіи будетъ сдѣлано что-нибудь крупное силами одной латышско-литовской интеллигенціи; вспомнимъ, что въ распоряженіи финляндской науки находится университетъ, гдѣ финно-угорскимъ дисциплинамъ удѣлено первенствующее мѣсто, да и въ другихъ университетахъ какъ Россіи (Казань, Юрьевъ), такъ и Венгріи финно-угорскіе языки и фольклоръ преподаются, какъ первостепенные предметы (въ Будапештѣ и вообще въ Вен-

грін), или хоть читаются съ кафедръ. Что касается литовской филологіи, то ни въ одномъ изъ русскихъ и, насколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ нѣтъ соотвѣтствующей кафедры, тогда какъ лектура латышскаго языка существуетъ только въ Юрьевѣ. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, въ двухъ русскихъ университетахъ (Варшавскомъ и Юрьевскомъ) было бы совершенно необходимо учредить кафедры литовско-латышской филологіи. Еще болѣе страннымъ и устарѣлымъ положеніемъ вещей кажется отсутствіе кафедръ балтійской и финноугорской филологіи въ русской академіи наукъ. При такомъ отсутствіи всякаго поощренія со стороны ученыхъ учрежденій не мудрено, что научная разработка литовско-латышской этнографіи оставляетъ еще желать столь многого.

Я кончу свою статью пожеланіемъ, чтобы на русскомъ языкѣ былъ составленъ обширный сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ вышеприведенныхъ собраній и представляющихъ различныя стороны латышскаго быта и народнаго творчества. Такой сборникъ могъ бы породить и новыя изслѣдованія, и новыя собранія и показать ученымъ все значеніе латышской этнографіи.

А. Погодинъ.